

Назаров Илья Дмитриевич

*кандидат философских наук, старший преподаватель,
Ивановский государственный химико-технологический университет*

Адрес: 153000, Российская Федерация, г. Иваново, пр. Шереметевский, д. 7

E-mail: Nazarov_37@mail.ru

Светский и церковный суд IV и V веков: спор юрисдикций

Статья посвящена соотношению юрисдикций светского и церковного суда в IV и V вв. в Римской империи. В начале статьи автор анализирует изменения, произошедшие в государстве после издания Миланского эдикта. Автор делает вывод о том, что с момента признания христианской религии господствующей на территории Римской империи в новообразованной социальной системе появляется еще одна независимая вертикаль судебных органов, строящих свою работу на основе канонического, а не римского права. Регулируя общественные отношения в рамках одной, пусть даже и весьма обширной, социальной общности, юрисдикции правовых и канонических норм неизбежно пересекались и конкурировали. Установив данные обстоятельства, автор формулирует основную проблему данного исследования: могла ли сложиться такая ситуация, при которой одно и то же лицо за одно и то же деяние было бы судимо одновременно церковным и светским судом и могло быть привлечено к канонической и юридической ответственности? Для решения данного вопроса автор обращается к доводам авторитетных дореволюционных ученых К.А. Неволлина и Н.А. Заозерского, анализирует положения кодексов Юстиниана и Феодосия, правил Василия Великого и Григория Нисского. Не установив единой позиции по данному вопросу, автор, при помощи принципа симфонии, приходит к выводу о том, что при исследовании юрисдикций церковного и светского суда нам не следует искать конкуренции и противоречий в подсудности тех или иных дел, а должно обратиться к верному пониманию канонических правил и предусматриваемых ими наказаний. Через соотношение феноменов правонарушения, безнравственного деяния и согрешения автор приходит к выводу о том, что предметы церковного и светского суда существенно отличаются, именно поэтому в отношении мирян могла сложиться ситуация, при которой одно и то же лицо подвергалось двойному наказанию (светскому и церковному) за одно и то же деяние.

Ключевые слова: церковный суд, светский суд, правонарушение, безнравственное деяние, согрешение, симфония, каноническая ответственность, юридическая ответственность, смирение, покаяние.

Издание Римской империей Миланского эдикта в 313 г. не изменило характера и направления развития системы церковного судопроизводства, сформировавшегося на основе предшествующей судебной практики. Беспрепятственно распространяя свое влияние на территорию огромной империи со своим законодательством и судебными органами, христианская церковь фактически игнорировала сложившийся светский правопорядок, продолжая бдительно следить за жизнью своей общины, назначать свои собственные наказания, предписывать свои особые дисциплинарные правила аналогично тому периоду, когда государство совершенно не интересовалось ее канонической доктриной.

Нет никаких сомнений в том, что с признанием христианства господствующей религией в Римской империи государственный аппарат продолжал функционировать как и прежде, а его система правосудия продолжала действовать среди людей, переживших превращение из язычников в христиан. Данная идеологическая метаморфоза позволила каждому христианину, как полноправному члену государства и гражданину, иметь право искать себе покровительства светской власти и справедливости в магистратах (имперских судебных органах). Сама христианская церковь нередко обращалась за содействием к власти и ее суду, передавая осужденных преступников в руки светского правосудия. Так, в соответствии с правилом 5 Антиохийского поместного собора, «...Аще же упорен будет, возмущая церковь, и восставляя противу ея: то яко мятежник, да будет укрощаем внешнею властью» (*Правое правоведение, 2008. С. 401*). Идея о необходимости помощи церкви со стороны государственной власти содержится и в комментариях Алексия Аристина к 104-му правилу Карфагенского поместного собора: «Рожденные в благочестии и воспитанные в вере цари должны подавать руку церквам; поелику когда был в нужде Павел, воинская рука разрушила соумышление бесчинных» (*Правое правоведение, 2008. С. 589*). В период прекращения гонений церковь уже не так нуждалась в своей защите, но требовала ее по праву легализации своего социального положения и необходимости поддержки находящейся на стадии становления новой имперской идеологии (христианской доктрины).

Таким образом, с момента признания христианской религии господствующей на территории Римской империи в новообращенной социальной системе появляется еще одна независимая вертикаль судебных органов, строящих свою работу на основе канонического, а не римского права. Регулируя общественные отношения в рамках одной, пусть даже и весьма обширной, социальной общности (Римского государства), юрисдикции правовых и канонических норм должны были неизбежно пересекаться и конкурировать. Ситуация осложнялась в связи с правотворческой деятельностью римских императоров, предавших отдельным каноническим правилам силу «гражданского» закона.

Анализируя приведенную выше информацию, у серьезного исследователя напрашивается весьма очевидный вопрос: могла ли сложиться такая ситуация, при которой одно и то же лицо за одно и то же деяние было бы судимо одновременно церковным и светским судом и могло быть привлечено к канонической и юридической ответственности?

В отечественной дореволюционной литературе мнения по данному вопросу существенно различались.

Так, профессор К.А. Неволин писал следующее:

«Юстиниан постановил, что если преступное действие, подлежащее рассмотрению церковным судом, было преступлением и по законам государства, то преступника должны были в таком случае препроводить к гражданскому начальству, которое обязывалось, исследовавши его вину по своим законам, подвергнуть его определенному в них наказанию (...) Как все главнейшие преступления против веры и чистоты нравов были в Римской Империи признаны также преступлениями против законов государства, запрещены под страхом уголовных наказаний и преследовались мирской властью: то внешний суд церкви по преступлениям мирян, сюда относящимся, не мог иметь и не имел обширного круга действия» (Неволин, 1847. С. 16–17).

Приходя к данному выводу, Неволин тем не менее делает оговорку, ссылаясь на законодательство императоров Аркадия, Гонория, Феодосия и Юстиниана, возлагающее на епископов право пресекать церковной властью совершение языческих обрядов (Codex Theodosianus XVI. 10. const. 19), занятие волхвованием (Codex Theodosianus IX. 16. const. 12) и производить исследование об азартных играх, пресекать их, препровождая виновных для наказания к гражданскому начальству (Codex Iustiniani I. 4. const. 25).

Иную позицию занимал профессор Н.А. Заозерский. Им подвергался критике довод о том, что в соответствии с римскими законами преступления против веры и нравственности признаны были уже и преступлениями против светских законов, что делало их подведомственными исключительно светскому суду. В подтверждение своей позиции он обращал внимание на следующее:

«...мы знаем, например, что, по распоряжению Константина Великого, последователей Ария велено было преследовать светской властью и уголовными наказаниями, но знаем также, что первоначальный приговор об этой ереси и принимавших ее лицах произнес не светский уголовный, а церковный епископский, сначала епархиальный (в Александрии), а потом соборный (в Никее) суд... Мы имеем неопровержимые доказательства в пользу того, что церковный суд IV и V вв. привлекал к своей ответственности мирян и по (уголовным) преступлениям: прелюбодеянию, убийству, волшебству, воровству и т. п.» (Заозерский, 1878. С. 109).

Приводя в качестве примера правила св. Василия Великого (71, 74) и св. Григория Нисского (4), Н.А. Заозерский обращает внимание на тот факт, что практически все преступления против нравственности (мужеложство, скотоложство, блуд, прелюбодеяние, клятвопреступление и т. д.) находились в юрисдикции церковного суда. Позиции профессора Заозерского согласуются со взглядами архимандрита Иоанна, который утверждает, что

«...многие преступления, неявно быв сделаны и минуя суд внешний, гражданский, становились известными только суду духовному, чрез исповедь, и это, между прочим, побуждало церковный суд усиливать строгость духовных наказаний для тех, которые избегали казней гражданских; а церковь не всегда подвергала падших

открытому наказанию... При том, когда преступления обнаружались не судебным порядком, а только исповедью, то церковные наказания не сопровождались гражданскими последствиями» (Иоанн, 1851. С. 77–78).

Анализируя указанные выше доводы, следует отметить, что в соответствии с римским правом многие преступления, строго караемые церковным судом, зачастую не считались преступлениями вовсе или имели правовой статус дозволенных действий. Ярким примером в данном случае является конкубинат (сожительство), являющийся блудом согласно каноническому праву (правило 26 св. Василия Великого) и дозволяемый римским правом без порождения соответствующих юридических последствий (*Дигесты Юстиниана, 2004. С. 541–544*). Непроизвольное убийство не является преступлением с точки зрения римского права, но признается таковым согласно правилу 11 св. Василия Великого.

По нашему мнению, различия в приведенных позициях достаточно объяснимы и порождены отсутствием оценки одного из важнейших принципов римской государственности. Не нужно забывать, что после признания христианства официальной религией империи взаимодействие между светской и церковной властью строилось в соответствии с уникальным принципом симфонии. Впервые данный принцип был провозглашен в преамбуле к Шестой новелле императора Юстиниана I для патриарха Константинопольского Епифания:

«Величайшие блага, дарованные людям высшей благостью Божией, суть священство и царство, из которых первое заботится о Божественных делах, а второе руководит и заботится о человеческих делах, а оба, исходя из одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни... И если священство будет во всем благоустроено и угодно Богу, а государственная власть будет по правде управлять вверенным ей государством, то будет полное согласие между ними во всем, что служит на пользу и благо человеческого рода» (*Никодим, 1897. С. 681–682*).

При таком подходе светская и церковная власть соотносятся между собой, как тело и душа в живом человеке, причем степень их согласованности напрямую влияет на уровень стабильности государства и состояние проживающих в нем граждан. Именно поэтому мы не должны искать конкуренции и противоречий в подсудности тех или иных дел, а должны обратиться к верному пониманию канонических правил и предусматриваемых ими наказаний. В них выражается то общее положение, что всякое упорство в грехе со стороны члена христианской общины есть деяние, противоречащее принятым церковью канонам, а значит, подлежащее открытому церковному суду. Указанный суд имеет дело не с уголовными правонарушениями (преступлениями), а с тяжкими грехами. Бесспорен тот факт, что решение церковного суда не сопровождается государственно-правовыми последствиями для осужденных, но это не препятствует ему быть формальным, открытым и внешним процессом судопроизводства.

Следует особенно отметить то обстоятельство, что объектом и субъектом канонического нарушения, как, следовательно, и церковного правосудия в отличие от светского суда и суда нравственности, является само подсудимое лицо. Данный довод, весьма сомнительный с первого взгляда, становится понятным и приемлемым при исследовании формы и содержания:

правонарушения (область права), безнравственного деяния (область морали) и согрешения (область канона¹).

Прежде всего, нам необходимо ответить на вопрос, чему именно причиняется ущерб вследствие указанных выше деяний. Мораль и право являются классическими социальными регуляторами, нарушение положений которых может расцениваться заинтересованным лицом как общественно опасное или общественно вредное деяние. Содержание правонарушения и аморального (безнравственного) поступка проявляется в поражении внешних, видимых отношений и благ. Так, лицо, переходящее улицу в неположенном месте, нарушает имеющие силу закона правила дорожного движения, муж, изменяющий жене, посягает на принятый в обществе стереотип о супружеской верности и крепости семейных уз. Объект (нарушаемые отношения) в данном случае не равен субъекту (нарушающему лицу). Канон также является социальным регулятором, но регулирует отношения не во всем обществе, а в конкретной группе людей, считающих себя членами религиозной общины (отдельной социальной группы) и принимающих правила, ей установленные. Нарушение канона аналогично акту совершению греха, т. е. согрешению. В данном случае согрешение понимается церковью не как общественно опасное или вредное деяние (даже если оно им и является), а как рана, которую человек наносит сам себе. Это объясняет то обстоятельство, что грех не заключается в поражении внешних, видимых общественных отношений, а направлен исключительно в отношении лица, его совершающего. Преподобный Исаак Сирин, рассуждая о непрестанной внутренней борьбе с грехами, предупреждал:

«В этой лютой брани не всегда бывает победы целомудрия, потому что человек и ради искушения оставляется без помощи. Но горе немощному, искушаемому в сей испытующей брани, потому что брань сия приобрела величайшую силу вследствие привычки, полученной ею от тех, которые сами себя предают на поражение сочетанием со своими помыслами... Грехов себе не желаем, но приводящие нас к ним причины принимаем с удовольствием»
(Исаак Сирин, 1911. С. 363).

Из сказанного следует, что объект согрешения аналогичен его субъекту.

Субъективная сторона составов правонарушения, безнравственного деяния и согрешения характеризуется, соответственно, феноменами правового, нравственного и религиозного сознания. Абстрактное разделение сознания на уровни переживания, осмысления и оценки вещей, свойств и отношений позволяет нам провести сравнительный анализ правового, нравственного и религиозного сознания в контексте отношения лица к совершению правонарушения, безнравственного деяния и согрешения. Следует оговориться, что указанные виды сознания существуют в человеке неразделимо, однако для целей настоящего исследования нам необходимо воспринимать их без связи друг с другом.

Переживание, осмысление и оценка деяний, осуществляемые в процессе правосознания, непосредственно связаны с проецированием конкретной правовой нормы на совершаемое лицом действие или бездействие. Правовое сознание совершенно не интересуется раскаяние или душевные терзания

¹ Под канонем в данной статье понимается не всякое церковное установление, а только то правило (заповедь), неисполнение которого может послужить основанием возникновения греха.

правонарушителя, оно переживает процесс совершения деяния, осознает противоправность своего поведения и оценивает степень юридической ответственности, которая может последовать за его совершение. Самый главный вопрос, который задает себе правосознание любого человека: как сделать так, чтобы можно было избежать юридической ответственности за совершенное правонарушение?

Нравственное сознание является более категоричным, определяя сферу внешнего поведения лица, оно также переживает процесс совершения деяния, осознает безнравственность своего поведения и оценивает степень общественного порицания, которое может последовать за такое поведение. Главный вопрос, который задает себе нравственное сознание любого человека: как сделать так, чтобы общество не узнало о совершенном им деянии? Несмотря на тот факт, что объект безнравственного деяния не равен его субъекту, тем не менее на оценочном уровне нравственного сознания у человека появляется уникальный мотивировочно-побудительный раздражитель (совесть), снова и снова заставляющий его осознавать всю безнравственность своего поведения. Постоянно выводя человека из «зоны комфорта», заставляя вспоминать его совершенные поступки, совесть может склонить его к такому поведению, например признанию своей вины и требованию для себя законной кары, которое с точки зрения правосознания будет считаться полным абсурдом. Так, терзаемый совестью Родион Раскольников мечтает о том, чтобы его скорее обвинили в совершенном злодеянии и подвергли причитающейся по закону каре. Нахождение лица под воздействием совести может послужить основанием не только для душевных, но и для физических страданий и мучений.

Религиозное сознание кардинально отличается от правового и нравственного сознания. Принимая во внимание то обстоятельство, что объект согрешения аналогичен его субъекту, мы можем сделать вывод о том, что лицо, совершившее согрешение, переживает этот процесс аналогично процессам совершения правонарушения и безнравственного деяния. Несмотря на всю схожесть, отличия наступают уже на уровне осмысления. Осознавая тот факт, что произошло нарушение канона, человек должен оценивать это деяние/помысел не как нарушение интересов государства или общества, а как рану, которую он наносит своему духовному здоровью, как отдаление себя от того идеала, который заповедовал христианам их Мессия. Главный вопрос, который должно задавать себе религиозное сознание любого человека: как научиться смирять свои многочисленные страсти и каяться за совершенные согрешения? Схематично соотношение феноменов правонарушения, безнравственного деяния и согрешения приведено в таблице № 1.

Таблица № 1. Соотношение феноменов правонарушения, безнравственного деяния и согрешения

1	Сфера человеческой деятельности	Право	Мораль (нравственность)	Религия (Христианство)
2	Наименование социальной нормы	Норма права	Норма морали (нравственности)	Канон
3	Нарушение социальной нормы	Правонарушение	Безнравственное деяние	Согрешение
4	Способ нарушения нормы	Нарушение внешних правил поведения – деяние		Прежде всего, внутреннее нарушение установленного правила – деяния и помыслы
5	Объект причинения вреда	Общественные отношения – объект не равен субъекту		Духовное здоровье лица – объект равен субъекту
6	Вид общественного сознания	Правосознание	Нравственное сознание	Религиозное (христианское) сознание
7	Уровень переживания	Лицо переживает процесс совершения деяния/помысла		
8	Уровень осознания	Лицо осознает противоправность своего поведения	Лицо осознает безнравственность своего поведения	Лицо осознает нарушение установленного канона
9	Уровень оценки	Лицо оценивает степень юридической ответственности, которая может последовать за его совершение	Лицо оценивает степень общественного порицания, которое может последовать за такое поведение	Лицо оценивает это деяние/помысел как рану, которую он наносит своему духовному здоровью
		Преступление против государства	Преступление против общества	Преступление против себя
10	Главный вопрос, который возникает в человеческом сознании	Как сделать так, чтобы можно было избежать юридической ответственности за совершенное правонарушение?	Как сделать так, чтобы общество не узнало о совершенном им деянии?	Как научиться смирять свои многочисленные страсти и каяться за совершенные согрешения?

Исследование соотношения указанных выше феноменов позволяет сделать вывод о том, что их содержание кардинально отличается, несмотря на кажущуюся аналогию их форм. Из этого следует, что предмет разбирательства светского и церковного суда будет отличаться даже тогда, когда данными судебными органами будет рассматриваться одно и то же дело, с одной фабулой и одним кругом заинтересованных лиц. При таком подходе становится понятной мысль о том, что каждый грешник, если он является преступником, должен подлежать в том числе и светскому суду и приговор этого суда должен быть обязательен для всех социальных структур, в том числе и для самой церковной власти.

Таким образом, мы можем с уверенностью ответить на поставленный выше вопрос, а именно утверждать, что одно и то же лицо за одно и то же деяние могло быть судимо одновременно церковным и светским судом и могло привлекаться к канонической и юридической ответственности. Причем светская и церковная юрисдикции не противопоставлялись и не конкурировали друг с другом, а служили единой цели урегулирования отношений в сложном, полиструктурном римском обществе.

Следует отметить, что данное утверждение действует исключительно в отношении христиан-мирян. Особенности рассмотрения светским и церковным судом дел в отношении клириков, а также споров между клириками и мирянами будут рассмотрены в следующих научных статьях.

Литература

Архимандрит Иоанн. Опыт курса церковного законовещения. СПб.: Типография Е. Фишера, 1851. 516 с.

Дигесты Юстиниана / Перевод с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. Т. IV. М.: Статут, 2004. 780 с.

Заозерский Н.А. Церковный суд в первые века христианства. Историко-каноническое исследование. Кострома: Типография Андроникова, 1878. 349 с.

Исаак Сирин. Слова подвижнические. Сергиев Посад: Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1911. 435 с.

Неволин К.А. О пространстве церковного суда в России до Петра Великого. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. 223 с.

Никодим епископ Далматинский. Православное церковное право. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1897. 708 с.

Правое правописание. По благословению митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира. М.: Сподвижник, 2008. 1333 с.

Ilya Nazarov

*candidate of philosophical sciences, senior lecturer
of Ivanovo State chemical-technological University*

*Address: 7 Sheremetev Pr., 153000 Ivanovo, Russian Federation
E-mail: Nazarov_37@mail.ru*

Secular and Ecclesiastical court of IV and V centuries: jurisdiction judgment

The article is devoted to the correlation of the jurisdiction of the secular and ecclesiastical court in the 4th and 5th centuries. n. e. in the Roman Empire. At the beginning of the article, the author analyzes the changes that took place in the state after the Edict of Milan. The author concludes that since the recognition of the Christian religion dominant in the territory of the Roman Empire, in the newly converted social system, there is another independent vertical of the judiciary, building their work on the basis of canonical rather than Roman law. Regulating social relations within the framework of one, albeit very extensive, social community, the jurisdictions of legal and canonical norms inevitably intersected and competed. Having established these circumstances, the author formulates the main problem of this study: could there be a situation in which the same person, for the same act, would be tried simultaneously by a church and secular court and could be brought to canonical and legal responsibility? To solve this problem, the author turns to the arguments of the authoritative prerevolutionary scientists Nevolin and Zaozersky, analyzes the provisions of the codes of Justinian and Theodosius, the rules of St. Basil the Great and St. Gregory of Nyssa. Without establishing a unified position on this issue, the author, using the principle of symphony, comes to the conclusion that when examining the jurisdictions of the church and secular court, we should not seek competition and contradictions in the jurisdiction of certain cases, but must turn to the true understanding of the canonical rules and penalties envisaged by them. Through the correlation of the phenomena of an offense, an immoral act and sin, the author comes to the conclusion that the subjects of the ecclesiastical and secular court differ significantly, that is why, for the laity, a situation could arise in which the same person was subjected to double punishment (secular and church) for the same act.

Keywords: A church court, a secular court, an offense, an immoral act, sin, a symphony, canonical responsibility, legal responsibility, humility, repentance.

References

Arkhimandrit Ioann. *Opyt kursa tserkovnogo zakonovedeniia* [The experience of the course of church jurisprudence]. St. Petersburg, Tipografiia E. Fishera, 1851, 516 p. (In Russian).

Digesty Iustiniana [Justinian's digestions]. Moscow, Statut Publ., 2004, vol. 4, 780 p. (In Russian).

Zaozerskii N.A. *Tserkovnyi sud v pervye veka khristianstva. Istoriko-kanonicheskoe issledovanie* [Church court in the first centuries of Christianity. Historical and canonical research]. Kostroma, Tipografiia Andronikova Publ., 1878, 349 p. (In Russian).

Isaak Sirin. *Slova podvizhnicheskoe* [The words selfless]. Sergiev Posad, Tipografiia Sv.-Tr. Sergeevoi Lavry Publ., 1911, 435 p. (In Russian).

Nevolin K.A. *O prostranstve tserkovnogo suda v Rossii do Petra Velikogo* [On the space of the church court in Russia before Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1847, 223 p. (In Russian).

Nikodim episkop Dalmatinskii. *Pravoslavnoe tserkovnoe pravo* [Orthodox Church Law]. St. Petersburg, Tipografiia V.V. Komarova Publ., 1897, 708 p. (In Russian).

Pravoe pravovedenie. Po blagosloveniiu mitropolita Tashkentskogo i Sredneaziatskogo Vladimira [Right-wing jurisprudence. With the blessing of Metropolitan of Tashkent and Central Asia Vladimir]. Moscow, Spodvizhnik Publ., 2008, 1333 p. (In Russian).